УДК 008+811

С. С. Гусев

Коммуникативные функции вопросительных предложений

В статье обсуждается роль вопросно-ответных структур в организации коммуникативных процессов. Обосновывается положение о том, что одна и та же их формальная структура в разных ситуациях может обладать различным функциональным значением. Предлагаются критерии, позволяющие выделять такие виды вопросительных предложений, как «собственно вопросы», «запросы» и «просьбы». Показывается зависимость различных аспектов процесса понимания от характера вопросов, доминирующих на разных этапах освоения сообщений, передаваемых в актах межчеловеческого общения.

Ключевые слова*: коллективные действия, коммуникация, вопросы и ответы, запрос, просьба, понимание, осмысление, истолкование, интерпретация, интеллектуальная и эмоциональная основа общения.*

S. S. Gusev. Communicative functions of interrogative sentences

The article is dedicated to the role of question-answer structures in the organizing of communicative processes. It is proved that one formal structure can have different functional meaning in different situations. The criteria for distinguishing of different types of question phrases such as 'question', 'demand' and 'request' are suggested. It is illustrated that different aspects of the process of understanding are dependent on the types of questions that dominate on different stages of assimilation of the messages transferred in the acts of interpersonal communication.

Keywords*: collective actions, communication, questions and answers, demand, request, understanding, comprehension, interpretation, intellectual and emotional basis of communication.*

Жизнедеятельность любого человеческого общества проявляется во множестве всевозможных коммуникативных актов, осуществляемых в различных ситуационных условиях. Создание планов кол-

© Гусев С. С., 2017

лективных действий, разработка способов их осуществления, оценка получаемых результатов — все это предполагает использование разных форм межчеловеческого общения. Поскольку эффективность этих форм зависит от степени достигаемого взаимопонимания участников такого общения, постольку важную роль в нем играют способы, позволяющие устранять различия, возникающие между позициями взаимодействующих людей. Ведь даже члены одного коллектива, стремящиеся решать некую общую задачу, действуют в соответствии с имеющимися у них личностными навыками и индивидуальным жизненным опытом. Поэтому их отношение к происходящему не может полностью совпадать. Особенно наглядно это проявляется там, где взаимодействуют представители групп, существенно различающихся по типу своей организации [1]. Кроме того, сложный характер многих коллективных действий требует распределения ролевых функций между разными участниками, даже принадлежащими одному и тому же сообществу.

В реальной практике человеческого взаимодействия с окружающим миром обычно происходит разделение этого сообщества как минимум на две группы. Представители одной из них (руководители) задают цели, общие для всего коллектива, а также разрабатывают способы их достижения. Другая группа (исполнители) реализует эти способы, следуя предписываемым ей инструкциям. Очевидно, что характер осмысления своих действий членами разных групп не может совпадать полностью. Освоение получаемых указаний исполнителями может осуществляться не всегда так, как это предполагали авторы передаваемых инструкций. Возникающее рассогласование обусловливает ситуацию информационной неопределенности, препятствующую оптимальной организации коллективного действия. Обнаруживая возникшие помехи, руководители вынуждены уточнять содержание создаваемых ими предписаний, объяснять их смысл и обосновывать необходимость их выполнения. Следовательно, должны использоваться какие-то средства, способствующие фиксации появляющихся разногласий и их устранению.

Одним из таких средств являются разнообразные вопросы, которые люди задают друг другу в различных жизненных ситуациях. Когда-то Г. Гадамер, обращая внимание на универсальный характер этого способа межчеловеческого общения, утверждал, что люди во-

обще не высказывают какие-то суждения, а «отвечают на вопросы» [5]. Интерес к детальному анализу подобных форм коммуникации приобрел особое значение с развитием кибернетики, обусловившей потребность в разработке формализованных схем диалога человека и машины. Это способствовало становлению особого раздела современной логики, получившей название «интеррогативная» (или «эротетическая») логика. Задачей этого типа логики является выявление правил, регулирующих корректное построение вопросов и соответствующих ответов на них [2]. В рамках этого подхода вопрос рассматривается как указание на обнаруженный пробел в комплексе имеющихся знаний и одновременное требование заполнить его соответствующей содержательной информацией. В этом случае ответом на задаваемый вопрос является сообщение, позволяющее устранить возникшую неопределенность.

Обобщенная схематизация диалоговых отношений не вводит различия между ситуацией, в которой вопрос задается кем-то из участников общения своим собеседникам, и той, в которой спрашивающий адресует вопрос самому себе. С точки зрения формального подхода такое различие может не иметь принципиального значения, но в реальной практике общения людей оно оказывается существенным. Дело в том, что в случае самостоятельного поиска ответа успешный результат зависит в первую очередь от индивидуальных особенностей спрашивающего (уровня его знаний, степени активности и предприимчивости и проч.). Когда же он обращается с вопросом к другим людям, принципиальное значение приобретают ответные реакции его собеседников. И получение искомого ответа в данном случае определяется не только правилами информационного поиска, но и готовностью тех, кому вопрос адресован, ответить на него. Поэтому детальный анализ коммуникативных действий предполагает выделение в вопросительных формах особой разновидности, которую можно определить как *просьбу.*

В отличие от *собственно вопросов* просьба обязательно связана не просто с указанием на характер необходимой информации, но и с ожиданием (выраженным явно или только предполагаемым) ответной реакции того, кому просьба адресована. При этом следует учесть, что предъявляемый ответ не всегда может соответствовать ожиданиям просителя. Ведь в каких-то случаях адресат просто от-

казывается удовлетворить просьбу. Это часто обусловлено тем, что базисные установки участников коммуникативного процесса не совпадают по своей целевой ориентации. В одних случаях просьба связана с желанием побудить собеседника осуществить определенное действие (что выражается в инструкции «сделай то-то»), в других, наоборот, выражено намерение блокировать какое-то его поведение (в этом случае соответствующая инструкция выражается в форме «не делай этого»). И результат диалога зависит от готовности собеседника принять или отвергнуть предлагаемую ему инструкцию.

В реальной практике межчеловеческого общения просьба достаточно часто выражается в вопросительной форме, что зачастую препятствует эффективной реализации коммуникативного акта. Например, ситуацию, в которой один из участников застолья спрашивает соседа «не можете ли вы передать мне соль?», а в ответ просто слышит «могу», вряд ли можно квалифицировать в качестве успешного коммуникативного акта. Понятно, что в данном случае вопросительная форма выражает именно просьбу осуществить определенное действие, а не просто указание на прямой ответ, соответствующий содержанию заданного вопроса. Нередко возникают и контексты, в которых вопросительные предложения прямо предполагают осуществление каких-то конкретных действий. Их можно квалифицировать как особый вид просьбы. Так, Хинтикка, рассматривая выражение «Кто хочет срубить дерево?», видит в нем требование осуществить предметно-практическую операцию, а не указание на имеющуюся информационную неопределенность [9, с. 341]. Для того чтобы устранить множество трудностей, обусловленных прагматико-семантическими особенностями вопросительных предложений, используемых в коммуникативных действиях, полезно выделить такие их формы, как *«собственно вопрос», «запрос»* и *«просьба»*.

В указанной выше работе Н. Белнап и Т. Стил определяют «элементарный вопрос» (собственно вопрос) как соединение двух частей — субъекта и предпосылки. Под «субъектом» имеется в виду определенное множество альтернатив предполагаемого ответа, тогда как предпосылка определяет его полноту и задает критерии, позволяющие различать возможные альтернативы [2, с. 14—15]. При таком подходе вопрос понимается одновременно и как указание на обнаруженный пробел в имеющихся знаниях, и как требование за-

полнить этот пробел соответствующей информацией. Но оптимизация реальных коммуникативных действий предполагает различение *ситуаций, в которых вопрос выражает осознание того, что обнаружилась область неизвестного, и ситуаций, связанных с определением характера необходимого ответа*. Очевидно, в каждой из этих ситуаций возникают разные вопросы, специфика которых различным же образом направляет поисковые действия людей.

Решая какую-то задачу, люди рано или поздно обнаруживают недостаточность имеющихся знаний и формулируют вопрос, указывающий на область неизвестного. Такой тип вопросов можно характеризовать как «*познавательные*». Как уже говорилось, они могут быть адресованы человеком как самому себе, так и другим членам сообщества. Например, столкновение с непонятным явлением порождает вопрос «что это такое?» Попытки ответить на него постепенно приводят к осознанию того, какую именно информацию необходимо получить для устранения возникшей неопределенности. В результате появляются вопросы, связанные с установлением границ необходимой информации, с определением критериев ее истинности, полноты и т. д. В этом случае вопросительная форма играет роль *запроса*. Поскольку запрос существенно зависит от уровня личностных знаний человека, от его субъективной интерпретации общей проблемы, постольку он в значительной степени обусловлен индивидуальными особенностями того, кто этот запрос формулирует. Разные люди, одинаково понимая характер неизвестного, могут различным образом определять, какие сведения позволят им решить поставленную задачу. Познавательные вопросы и запросы представляют собой требование (выраженное прямо или косвенно) заполнить обнаруженные информационные пробелы. Но в процессах взаимодействия людей часто возникают ситуации, не связанные непосредственно с поиском новых знаний, тем не менее в них также используются вопросительные предложения.

Как уже говорилось, корректировка взаимных усилий при организации коллективного действия порождает потребность в объяснении инструкций, передаваемых от «руководителей» к «исполнителям». В связи с этим имеет смысл выделить вопросы, адресуемые исполнителями авторам инструкций и направленные на уточнение их содержания, а также вопросы самих руководителей, старающихся выяснить, насколько необходимы дополнительные пояснения и

какими они должны быть. В некоторых случаях отрицательный ответ на вопрос «надо ли объяснять вам это?» может на какое-то время вполне исчерпать коммуникативное действие. Подобные ситуации вряд ли можно в полной мере отнести к сфере познавательных действий. Поэтому вопросительные предложения, используемые в них, составляют особый класс «*организационных*» вопросов, связанных с повышением степени эффективности совместных действий. Они не увеличивают объем человеческих знаний о мире, но играют важную роль в реальной коммуникационной практике.

Еще один способ использования вопросительных предложений связан с тем, что при поиске необходимого ответа человек может обнаружить, что его могут дать какие-то люди, обладающие нужной ему информацией. Обращение к ним за соответствующими сведениями обязательно предполагает ожидание им каких-то действий с их стороны, обусловленных заданным вопросом. Именно в этом случае вопрос становится *просьбой*. И если решение проблемы (ответ на собственно вопрос), как и удовлетворение запроса (задающего область предполагаемого ответа), существенным образом определяются тем, насколько удачно найдена форма вопроса (математики часто утверждают, что хорошо сформулированная задача является наполовину решенной), то ответная реакция на просьбу во многом зависит от позиции того, к кому она обращена. В данном случае успешность коммуникативного действия определяется степенью совместимости смысловых установок людей, вступающих в общение друг с другом.

Таким образом, *собственно вопрос*, *запрос* и *просьба* (формально представленные одной и той же структурой) выражают разные стороны коммуникативных действий, связанных с организацией коллективного поведения людей. Но их успешное использование обязательно предполагает, что они одинаково воспринимаются в качестве «осмысленных» всеми участниками коммуникации. Это становится возможным там, где коллективное поведение людей регулируется одним и тем же набором правил. Эротетическая логика как раз и направлена на выявление правил, регулирующих корректное построение и применение различных форм коммуникативных действий, содержащих вопросно-ответные предложения. Такие правила оказываются действенными лишь тогда, когда существуют условия, определяющие контекстные смыслы соответствующих языковых струк-

тур, в том числе и структур вопросно-ответных. Эти условия Гадамер когда-то определял как «горизонт понимания» [4, с. 435]. Если эти горизонты существенно различаются у посылающего какое-то сообщение и у его адресата, то их взаимопонимание либо оказывается невозможным, либо приобретает иллюзорный характер. В реальной коммуникативной практике подобные ситуации возникают достаточно часто, что оказывает разрушающее воздействие на успешность человеческого взаимодействия.

Это обусловлено тем, что использование вопросов и ответов направлено на управление поведением людей по отношению друг к другу в процессах их совместной жизнедеятельности. В частности, само предъявление вопроса неявно выражает требование к собеседнику принять передаваемое сообщение в качестве элемента общего коммуникативного действия. В еще большей степени это относится к просьбе. Поэтому создание единого горизонта понимания предполагает прежде всего наличие языка, одинакового для всех его участников. Кроме того, успешное выстраивание взаимоотношений между людьми возможно лишь тогда, когда все они пользуются одной и той же системой правил, регулирующих коммуникативные процессы. А это, в свою очередь, основано на одинаковых формах рационального мышления. Слишком большие различия в типах языков или наборах правил вызывают отказ от общения. Такой отказ может осознаваться, и тогда участники коммуникации (если они желают сохранить взаимодействие) стараются устранить возникающие разногласия. Задаваемые вопросы и высказываемые просьбы в этом случае направлены на уточнение различных позиций и их взаимную адаптацию. Первичное непонимание друг друга постепенно устраняется.

Но часто бывает так, что отказ от участия в коммуникативном действии не осознается явным образом. Тогда человек, не желая принять адресованный ему вопрос (или просьбу), расценивает полученное сообщение как «абсолютно непонятное». При этом языковые средства, с помощью которых оформляются речевые акты, могут быть общими для автора сообщения и его собеседников, однако межчеловеческое общение не реализуется должным образом. Такие ситуации обычно обусловлены несовпадением типов рациональности и правил коммуникации. В этом случае попытки автора сообщения сохранить канал общения часто оказываются безуспешными.

Разрыв коммуникативного действия может реализовываться как в явной форме (собеседник заявляет о прекращении дальнейшего общения), так и скрыто (когда адресат не осознает действительных причин, обусловивших его «непонимание»). Например, при общении с носителями «измененной психики» психиатры отмечают, что пациенты в ответ на задаваемые вопросы или обращенные к ним просьбы отвечают буквальным повторением речевой формы, произнесенной их собеседником. Такое поведение трактуется специалистами как особая форма ответа, выражающая отказ от коммуникативного взаимодействия [7, с. 199].

Адекватность рационального мышления выражается в том, что, познавая окружающую действительность и свое взаимодействие с ней, люди создают одинаковый для всех членов определенного сообщества набор категориальных структур, посредством которых фиксируют для себя наиболее общие характеристики этого взаимодействия. В системе таких структур проявляются как особенности нейрофизиологического устройства людей, так и специфика культурных комплексов, носителями которых они являются. И если первые обусловливают универсальные (не зависящие напрямую от времени и места обитания тех или иных сообществ) элементы категориального аппарата, то вторые влияют на локальные способы коммуникации, действующие в разных типах культуры. Категории являются тем языковым материалом, посредством которого люди конструируют различные модели окружающего мира и схемы взаимодействия с ним. Такие модели задают форму всевозможных высказываний, которыми обмениваются участники коммуникативных действий, в том числе и форму вопросов, запросов и просьб. Оценка этих структур как «осмысленных» и «корректных» во многом зависит от того мировоззрения, в рамках которого они используются. Если люди принадлежат к одному и тому же типу культуры, они достаточно легко понимают друг друга. Знакомство с установками кардинально иной культуры обычно порождает большие трудности в общении.

Поскольку люди чаще всего заинтересованы в устранении возникающего непонимания, постольку необходимо выполнение некоторых условий, без которых эффективное употребление вопросно-ответных структур невозможно. К наиболее важным условиям относятся:

— создание языковой матрицы, общей для всех участников коммуникативных процессов. Она обеспечивает одинаковые наборы имен, входящих в состав как вопросительных, так и утвердительных (или отрицательных) предложений. При этом имена должны использоваться в одних и тех же значениях и смыслах;

— возможность одинаковой содержательной интерпретации сообщений, передаваемых и получаемых в процессе коммуникации. Это предполагает соотнесение наборов имен с какими-то фрагментами окружающей реальности, обозначенными этими именами;

— наличие правил, позволяющих оценивать соответствие вопросов и ответов, просьб и действий, вызываемых ими;

— наличие специальных знаков, позволяющих отличать задаваемый вопрос и получаемый ответ. Например, предложения «вы можете это сделать» и «вы можете это сделать?» без вопросительного знака неразличимы (интонационные особенности здесь не учитываются). В формализованных вариантах эротетической логики выделяется особый тип вопросов, в которых вопросительная интонация выражена использованием частицы «ли» (например, «правда ли, что Америку открыл Колумб?»);

— существование критериев, обусловливающих осмысленный характер используемых предложений. Особую роль в данном случае играют так называемые пресуппозиции. Этот термин обозначает утверждения, истинность которых обеспечивает возможность получения одного из альтернативных вариантов ответа на заданный вопрос. Например, ответ на вопрос «не знаете ли вы того, кто стоит у окна?» может быть истинным, а может быть ложным, но оба варианта принимаются в качестве осмысленных, если у окна кто-то действительно стоит. В противном случае вопросно-ответная структура оценивается как «бессмысленная». Аналогично воспринимаются и такие вопросы, которые не могут порождать новые контексты, связанные с дальнейшим ходом коллективных действий. Витгенштейн, в частности, считал бесполезным поиск ответа на вопросы, типа «откуда я знаю, что я не был на Луне?», поскольку такие вопросы не позволяют увеличивать степень понимания человеком своего отношения к миру [3].

Сходные условия определяют и ответы на просьбу, выраженную в вопросительной форме. В самом деле, если на вопрос «не зна-

ете ли вы, который час?» следует ответ «сегодня среда», это свидетельствует о несовпадении имен, содержащихся в вопросе и ответе. Предложение «Кто может принести, не знаю что?» порождает затруднение при попытках реализовать высказанную просьбу. Очевидно, в данном случае отсутствует пресуппозиция, определяющая осмысленность вопроса.

Взаимопонимание людей, участвующих в коллективном решении общих задач, не сводится к простому обмену вопросами и ответами. Создание общего горизонта понимания охватывает множество различных уровней интеллектуальной и эмоциональной жизни человека, что обусловливает трудности, с которыми сталкиваются авторы, предпринимающие попытки анализировать феномен понимания. Еще недавно понимание (как интуитивное схватывание сущности познаваемого) противопоставлялось строго организованным процедурам объяснения, используемым в практике естественнонаучного исследования. Сегодня объяснение и понимание уже рассматриваются как две стороны единого целого. С этой точки зрения понимание характеризует степень успешности соотнесения вопроса и ответа. Объяснение же представляет собой сам ответ на какой-то предварительно заданный вопрос. Ведь для оценки эффективности объяснения необходимо установить, на какой вопрос оно отвечает.

Необходимость различать вопрос и просьбу, когда они представлены одной и той же грамматической формой, заставляет различным образом трактовать коммуникативную роль объяснения. Когда оно является ответом на вопрос «не объясните ли вы, как работает эта машина?», объяснение способствует заполнению определенного информационного пробела. Отвечая же на просьбу, выраженную вопросом «не научите ли меня управлять этой машиной?», объяснение становится инструкцией, предписывающей некий способ конкретных действий. Оказываясь в разных жизненных ситуациях, человек оценивает их характер и свою роль в них. Поэтому вопросы, задаваемые разными участниками одних и тех же событий, могут выражать различие их целевых установок, определяющее несходство и в понимании получаемых ответов. Сообщение о том, что «идет дождь» (ответ на вопрос о погоде), может восприниматься как простое описание сиюминутных условий, а может быть указанием на необходимость взять зонт или не выходить на улицу. В зависимости от сво-

их намерений человек либо принимает инструкцию, неявно выраженную полученным сообщением, либо отвергает ее. На такой выбор влияют и представления о том, какие цели преследует собеседник, ответивший на заданный вопрос.

Различные способы использования вопросительных предложений свидетельствуют о том, что они выражают разные уровни и аспекты освоения содержания передаваемых сообщений. Не случайно понимание отождествляют то с *осмыслением*, то с *истолкованием*, то с *интерпретацией*. Все эти формы можно представить в качестве различных аспектов понимания, обусловливаемых особенностями целевых установок тех, кто задает вопрос или воспринимает получаемый ответ. В зависимости от того, пытается ли человек убедить собеседников в принятии каких-то рекомендаций или старается выявить намерения собеседников, оценивает ли он степень совпадения своих и чужих установок, изыскивает ли возможности использовать полученные от других сведения для решения своих собственных задач — процесс понимания направляется и регулируется разными вопросами.

Понимание как осмысление. Этот аспект определяется *вопросом о том, каковы цели собеседника и какой смысл он вкладывает в передаваемые сообщения*. Поскольку любое сообщение указывает на нечто, чем оно само не является (то есть играет роль знака), постольку его восприятие регулируется значениями и смыслами, характеризующими элементы этой структуры. В ситуации коммуникативных действий значение транслируемого сообщения выражается его тематическим содержанием, указывающим на обсуждаемую задачу. А смысл выражается способом указания на целевой контекст, определивший постановку *именно данной* задачи. И если всем участникам общения удается сходным образом установить и тему, и цель коммуникативного действия, то процесс осмысления оценивается как успешный. Это значит, что задающий вопрос и отвечающий на него действуют в рамках общего горизонта понимания. Правда, иногда в дальнейшем может обнаруживаться иллюзорность достигнутого взаимопонимания, но даже и оно на какое-то время позволяет сохранять канал коммуникации.

Однако выявление чужих целей не обязательно предполагает согласие с ними. Они могут противоречить интересам получате-

ля сообщения или оцениваться им как не заслуживающие внимания. Осмысление всегда осуществляется в контексте определенной ситуации. Ее рамки могут быть достаточно широки, но не заданы раз и навсегда. Ведь даже заданный самому себе вопрос, казавшийся еще недавно чрезвычайно важным, при изменении положения дел может терять свою актуальность. Понимание как осмысление не только способствует явному определению границ позиции собеседников, но обеспечивает более четкое осознание своих целей и стремлений. Столкнувшись с чужими интересами, человек может существенно изменить установки, определявшие его поведение до этого момента. Он начинает задавать вопросы не только окружающим, но и самому себе. И получаемые ответы часто обусловливают кардинальную смену его базисных представлений о мире и о себе.

Это обусловлено тем, что рациональное мышление не исчерпывает сущности понимания. Люди не только рассуждают, но и эмоционально реагируют на все, происходящее с ними в процессе жизни. Воздействие окружающих людей вызывает в человеке переживания, которые заставляют его погружать адресованные ему вопросы и просьбы в контексты, которые спрашивающий иногда вовсе не имел в виду. Да и сами словесные конструкции лишь отчасти могут выразить цели и намерения всех участников коммуникативных действий. Хорошо известно, какую роль в достижении взаимопонимания играют паузы, намеки, предполагаемые смыслы, всегда присутствующие в реальной практике межчеловеческого общения. В результате оказывается, что настоящее понимание вопросов и просьб не связано полностью с простым усвоением слов и выражений, в которых они представлены. Достаточно часто определяющее значение приобретает не то, что сказал собеседник, а то, что он хотел сказать (хотя часто он сам не всегда до конца осознает свои цели). Действительное понимание «может выходить за пределы субъективного замысла автора, более того, оно всегда и неизбежно выходит за эти рамки» [5, с. 19].

Но такой выход может порождать и неопределенность коммуникативного акта, препятствующую оптимальной организации человеческих взаимодействий. Ведь тот, кому адресованы вопросы или просьбы, не всегда может адекватно установить их действительный смысл. Вопрос «не можете ли вы выйти из комнаты?» иногда выражает намерение спрашивающего выяснить способность другого че-

ловека передвигаться в пространстве, но может означать желание избавиться от его присутствия в данном месте. Подобные ситуации порождают так называемые уточняющие вопросы. Они направлены не на устранение возникшего информационного пробела, а на выяснение действительных целей задающего вопрос. По своей функции уточняющий вопрос часто одновременно выполняет функцию просьбы, поскольку тот, кто его задает, стремится эффективней организовать коммуникативное взаимодействие с собеседником и потому просит его более явно выразить свои намерения.

Понимание как истолкование. Другим аспектом понимания является *истолкование*. Часто этот термин используется как аналог термина «интерпретация». Но если учитывать, что в традиции русского языка «толкование» означало «рассуждение, разбор дела» [6], то данный аспект понимания можно представить не только как прояснение смысла и ориентации позиций других людей, но и как соотнесение их со своей позицией. В таком случае этот аспект понимания определяется *вопросом о степени сходства и различия своей позиции и позиции, предъявляемой другими участниками коммуникации.* Истолковывая полученные сообщения, человек в одних случаях перенимает формы поведения других людей, подстраивается под них, а в других старается навязать им установки, привычные для него. Этот аспект понимания всегда реализуется в рамках определенного контекста, задающего отбор одних вопросов и ответов как «важных» и отсеивание других, оцениваемых как «не имеющие значения». Возможность различного истолкования транслируемых в обществе сообщений свидетельствует о ситуационном характере этой формы понимания. В определенной степени истолкователь уподобляется переводчику. Ведь имея дело с текстом, построенным на чужом языке, переводчик вынужден отбирать какие-то его смысловые характеристики, пренебрегая другими, отсеивая их.

Подобно этому истолкователь принимает во внимание не весь объем информации, содержащийся в передаваемых ему сообщениях. Какие-то вопросы или просьбы он может буквально «не услышать». Восприятие им коммуникативных действий других людей зависят от того, чью позицию он оценивает более высоко. Решив, что чужая система установок позволяет ему ставить и решать задачи успешней, чем его собственная, человек начинает интерпретировать получае-

мые им сообщения в качестве инструкций, которым необходимо следовать для достижения успеха. В этом случае адресованные ему вопросы и просьбы воспринимаются им как подсказки, а ответы на его вопросы как прямые указания, важные для него. Если же он оценивает свою систему взглядов как более эффективную, тогда вопросы и просьбы собеседников истолковываются как свидетельство несовершенства их позиции и ответы на задаваемые им вопросы не всегда стоит принимать во внимание. Основываясь на *осмыслении* сообщений, которые человек получает от других участников коммуникативного действия, он *истолковывает* их, исходя из контекста подобных оценок.

Понимание как интерпретация. Сравнительная оценка позиций, производимая в рамках истолкования, позволяет человеку сформировать представление о том, насколько он может применить чужие установки для решения своих задач. И особенность данного аспекта определяется *вопросом о том, в какой степени чужие установки соответствуют пониманию поставленной задачи, и представлению о том, к каким результатам может привести принятие их в качестве руководства к действию*. Интерпретация всегда в той или иной степени «подгоняет» содержание чужих установок под рамки, привычные для интерпретатора. Поэтому она не столько направлена на выяснение «объективного» содержания передаваемых сообщений, сколько связана с выявлением «спектра возможностей», связанного с их освоением. Такой спектр задается представлением о решаемой задаче и обусловливает характер выявляемых пробелов знания, создание планов ее решения и т. д.

Освоение возможных программ действия, ранее не входивших в систему представлений интерпретатора, зависит от результатов, полученных на основе осмысления и истолкования принятых сообщений. В зависимости от их характера одни люди оценивают предлагаемые собеседниками установки как приемлемые, другие их отвергают. Только в этом случае возникает «конфликт интерпретаций», о котором когда-то рассуждал П. Рикер. Правда, сам Рикер не отделял интерпретацию от осмысления и истолкования, видя в ней способ выявления различных смысловых уровней получаемых сообщений [8, с. 18, 97, 169]. И все же, говоря о «конфликте», он определял его как «соперничество различных способов определения граней ин-

терпретируемого» [8, с. 30]. Но простой фиксации различия в способах интерпретации явно недостаточно для их взаимного отторжения. Разные возможности могут дополнять друг друга или просто сосуществовать в качестве «запасных» вариантов. Конфликт возникает лишь там, где появляется необходимость выбора одной из альтернатив.

А сама такая необходимость продиктована представлениями человека о своих целях, возможностях, уже полученных результатах и т. д. Именно контекст знаний, сложившихся на основе накопленного опыта, определяет способ и характер интерпретации сообщений, которыми люди обмениваются при организации коллективных действий. В этом случае понимание осуществляется в рамках предварительно сформированной концепции, влияющей на выбор одного из конкурирующих вариантов интерпретации получаемых сообщений. Поэтому и задаваемые вопросы, и получаемые ответы, и выслушиваемые просьбы — интерпретируются с точки зрения исходных установок и представлений самого интерпретирующего. Смысл вопросов, предъявляемых ему собеседниками, для него обусловлен стремлением установить степень соответствия целей спрашивающего и своих собственных. Ответы, получаемые на заданные им вопросы, оцениваются по степени их эффективности для планируемых действий. А интерпретация просьб связана с предположением о возможных последствиях их выполнения.

Конечно, в реальной практике коммуникации процесс понимания может охватывать одновременно все перечисленные аспекты. Между ними нет жестко фиксированных границ. Во многих случаях вопросы, определяющие специфику одного из них, могут определять и специфику другого. Это обстоятельство способствует тому, что разные авторы часто смешивают их друг с другом. Но оптимизация процессов коммуникативной деятельности требует явного различения контекстов, обусловленных конкретными условиями взаимодействия людей в различных ситуациях своей жизни. Это тем более важно, что не раз предпринимались попытки отождествить человека с различными машинными системами и создать универсальные средства управления коллективным поведением людей, не учитывающие важность личностных смыслов, определяющих индивидуальное отношение каждого человека к его участию в общественных процессах.

Поэтому изучение роли вопросно-ответных структур в процессах взаимодействия людей оказывается важным фактором, способствующим укреплению и развитию именно межчеловеческих связей. В отличие от некоторых речевых актов, не связанных с непосредственным обращением к другим людям (ситуация «разговора с самим собой» иногда свидетельствует о нарушении нормального функционирования психики), вопросительные предложения обязательно предполагают установление контакта с какими-то реальными собеседниками. Невозможно обращаться с вопросом или просьбой к человеку, реально вообще не существующему (воображаемое общение не является действительным коммуникативным актом). Учет существования других людей обусловливает адресный характер реальных вопросительных предложений, заставляет аргументировать высказываемые просьбы, обосновывать необходимость ожидаемого ответа. Все это предполагает создание интерсубъективной (для данного сообщества) системы правил взаимных коммуникативных действий. Отказ от взаимодействия с другими людьми ведет к распаду общества, к формированию условий, в которых сам индивид уже не сможет существовать.

* * *

1. Антоновский А. Ю. Понимание и взаимопонимание в научной коммуникации // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 45—58.

2. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М.: Прогресс, 1981. 287 с.

3. Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с.

4. Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы филос. герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

5. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 358 с.

6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рипол классик, 2006. 754 с.

7. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974. 487 с.

8. Рикер П. Конфликт интерпретаций. М.: Республика, 1995. 376 с.

9. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 448 с.